

успели смениться по нескольку раз, уцелевшие заменяли убитых и раненых...

Партизанский полк, так же, как и Корниловский, был обескровлен.

6.12.6. Гибель Корнилова

Утром 30 марта (12 апреля) на ферму привезли убитого Неженцева. Корнилов вышел и долго стоял над телом. Потом перекрестил и поцеловал подполковника в лоб, как погибшего сына. В сущности, Неженцев и был для него, как сын. Во всяком случае, духовное родство связывало этих людей, вне всякого сомнения⁴²⁹.

Весь день настроение Командующего оставалось подавленным. В разговоре с очередным собеседником Корнилов вдруг прерывал его на полуслове и говорил: «Вы знаете, Неженцев убит... Какая тяжёлая потеря...» И умолкал на минуту, характерным жестом потирая пальцами лоб.

Корниловский полк в составе 65-ти непонятно как уцелевших штыков принял полковник А.П. Кутепов. Корнилов приказал влить в его состав 350 мобилизованных казаков, прибывших из станицы Новомышастовской под командой полковника Шкуратова. Это позволило довести численность полка до состава неполного батальона. Но всем было понятно, что это уже не те «корниловцы», которые в штыковых атаках под звуки духового оркестра сметали любого врага...

Перестрелка по всей линии продолжалась, но от наступательных действий Армия, по сути, вынуждена была отказаться. К утру вся западная окраина города уже была прочно занята советскими отрядами. Оставались они и в районе огородов юго-западнее расположения Офицерского полка. Там же стояла батарея и посылала в сторону «марковцев» снаряд за снарядом. Вся площадь казарм обстреливалась ружейно-пулемётным огнём. Вал, насыпанный также и со стороны города, от него не спасал, так как стреляли из окон верхних этажей городских зданий.

⁴²⁹ «На ферме как-то все притихли, – пишет Деникин. – Иван Павлович (Романовский) говорил мне в этот день:

– Никогда ещё я не видел его таким расстроенным. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удаётся. Просто так вот по-человечески ужасно жалко его...»

Уступом влево от казарм стояли растрёпанные сотни Партизанского полка. К полудню Казанович увёл их к ферме, и на замену «партизан» выдвинулась 4-я рота. Она вынуждена была занять позицию, имеющую вид прямого угла, обращённого сторонами на север и на восток. Расположение простреливалось с обоих флангов, так как части 2-й бригады стояли за ручьём, отставая ещё больше. От обстрела спасали лишь окопы, предусмотрительно отрытые за ночь «партизанами».

Всё же находящийся под огнём полк продолжал нести потери. Добровольцы почти не отвечали. Берегли снаряды и патроны. Лишь одиночки, сохранившие запас обойм, постреливали изредка в ответ. Наблюдатели то и дело замечали приготовления противника к атаке. Но она, не успев развиться, тут же пресекалась сосредоточенным огнём. По приказу стреляли все.

В какой-то момент атака большевикам удалась, и они потеснили к казармам 5-ю роту. Тут же к отходившим добровольцам подбежал Марков, и положение было восстановлено. Но совладать с новой неприятностью не в силах оказался и он. Советское командование, наконец, убедилось, что через Кубань переправилась вся Армия, что наступательный порыв добровольцев иссякает, и действовало уже куда смелее и инициативнее. Вдоль левого берега Кубани продвинулся отряд красногвардейцев и стал почти напротив кожевенных заводов. Теперь противник держал под обстрелом и тылы Офицерского полка, и даже дорогу, соединяющего его расположение со штабом⁴³⁰.

После полудня Марков был вызван в штаб. Корнилов решил провести Военный совет и определиться с дальнейшими действиями. «Я думаю, – пишет Деникин, – что на этот шаг побудило его не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предрешен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходимости решительного штурма Екатеринодара».

Сделать это было непросто. Все были подавлены и настроя и сомнений не скрывали. На ферме в комнатке Командующего, кроме самого Корнилова, собрались генералы Алексеев, Рома-

⁴³⁰ Со стороны Екатеринодара тракт был скрыт от большевистских наблюдателей неровностями рельефа.

новский, Деникин, Марков и Кубанский атаман полковник Филимонов⁴³¹. В ходе доклада начальника штаба Армии и командиров бригад обрисовалось общее положение, которое каждому из присутствующих было известно и так.

Противник укрепился и проявлял невиданное упорство⁴³². Даже если и удавалось опрокинуть и разбить какой-либо советский отряд, остальные не бежали, а настойчиво пытались ударить наступающим во фланг. Советские части действовали всё более активно, готовые уже перехватить инициативу.

Добровольческая армия понесла огромные потери. В 1-й бригаде оставалось до 1200 активных штыков, в двух обескровленных полках 2-й – не более 600. Большинство командиров всех степеней были убиты или выбыли из строя по ранению. Мобилизация казаков, давшая несколько сот человек пополнения из близлежащих станиц, себя исчерпала. Разуверившиеся в скорой победе казаки оставляли Армию. Более того, отмечались случаи ухода из линии в тыл и добровольцев, чего ранее не наблюдалось. Люди были истощены физически и морально⁴³³.

---

⁴³¹ По словам Филимонова на совещании присутствовал также и Председатель Кубанского правительства Быч. Совещание происходило ближе к вечеру при трёх зажжённых у карты свечах. Единственное окно завешено было циновкой, чтобы наблюдатели противника не увидели свет в окне. Из-за крошечных размеров комнатки на кровати у стола поместились не все. Некоторые расположились прямо на полу, подстелив добытую ординарцами солому.

⁴³² Должное отдавали современники Сорокину. Именно его железная воля в немалой степени способствовала укреплению обороны. Вот что пишет о нём И.Л. Хижняк: «При обороне города я видел Сорокина в боевой обстановке. Верхом на лошади, в серой черкеске, сверкая оружием, он в сопровождении двадцати конвойцев объезжал боевые порядки.

Помню, на четвёртый день боёв наш отряд, крепко потрёпанный непрерывными атаками, с каждым часом терял боеспособность. В этот момент в расположении батальона появился Сорокин.

– Держаться, во что бы то ни стало! Ни шагу назад! Расстреляю! – кричал он, сверкая усталыми, покрасневшими от бессонных ночей глазами и размахивая неразлучной плетью. В такие минуты один вид этого человека внушал страх...»

⁴³³ В подтверждение этих слов, генерал Марков, сидевший в углу на соломе, опустив голову на плечо Романовскому, вдруг, задремал, обнаружив себя лёгким похрапыванием. Разбуженный, он смущённо извинился перед Командующим:

– Виноват, Ваше Превосходительство. Двое суток не ложился...

Силы их таяли. Число раненых в походном лазарете достигло 1500 человек⁴³⁴.

Советские части на любом участке по численности превосходили добровольцев по меньшей мере в 8-10 раз. К тому же к городу подходили всё новые отряды Красной гвардии. Техническое же превосходство противника, имеющего практически неограниченные запасы снарядов и патронов, подавляющее. У добровольцев же заканчивались боеприпасы, и пополнить их было невозможно.

Во всех предыдущих боях Армия добивалась успеха, в том числе и за счёт манёвра. Теперь же, в условиях растянутой плотной обороны превосходящего противника, рассчитывать на это не приходится. Обходное движение Конной бригады никакой видимой помощи пехотным частям не дало. Фронтальные же атаки неизбежно повлекли за собой новые серьёзные потери, что окончательно обескровило бы Армию.

Выслушав всё это, Корнилов коротко подытожил:

– Положение действительное тяжёлое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, хотя и опустили глаза, но высказались резко отрицательно⁴³⁵. Лишь Алексеев согласился с мнением Командующего. Удивительны были отношения этих недолюбливавших друг друга людей. Будто чувствуя свою вину, в тяжёлые моменты они старались быть корректными и предупредительными по отношению друг к другу. Алексеев, наблюдая весь день, насколько потрясён Корнилов смертью Неженцева, как мог старался его поддержать.

Все отрешённо молчали. Всё, казалось, было уже сказано, и добавить было нечего. Вдруг вновь взял слово Алексеев.

⁴³⁴ Убитыми же и пропавшими без вести добровольцы в боях за Екатеринодар по разным оценкам потеряли свыше 500 человек.

⁴³⁵ «Мы чувствовали, что первый порыв прошёл, – пишет Деникин, – что настал предел человеческих сил, и об Екатеринодар мы разобьёмся; неудача штурма вызовет катастрофу, даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению её слабых частей для охраны и защиты большого города. И, вместе с тем, мы знали, что штурм всё-таки состоится, что он решён бесповоротно».

– Я полагаю, – сказал генерал, – что лучше будет отложить штурм до послезавтра. За сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка. Быть может, станичники подойдут еще на пополнение...

Корнилов, которого наверняка также одолевали сомнения⁴³⁶, готов был ухватиться за любую соломинку и тут же подержал весьма сомнительное предложение.

– Итак, будем штурмовать 1-го апреля, – твёрдо сказал Командующий и отпустил генералов. Последний Военный совет в его жизни был закончен. Все вышли, задержался у Корнилова лишь Деникин.

– Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе? – спросил он.

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмём Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете...

Деникин встал перед Командующим и проговорил:

– Ваше Высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она вся погибнет...

В этот момент в комнату вошёл кто-то, и разговор прервался на полуслове. Возобновиться ему было уже не суждено. Считается, что именно на основании этих слов Командующего Де-

⁴³⁶ Ещё утром к ферме вышли две сестры милосердия Корниловского полка и рассказали следующее. Ночью, отправив в тыл обоз с ранеными, они в сопровождении доктора решили произвести поиск в направлении к Екатеринодару. Тела добровольцев были разбросаны далеко в сторону большевистских позиций. Все они были убиты в отчаянной атаке. В темноте наткнулись на красногвардейцев. Попытались уверить, что они – из советского санитарного отряда, но солдаты не поверили. Не растерявшись, доктор выхватил револьвер и начал отстреливаться, что и позволило всем троим скрыться в темноте (доктор Крошечкин был ранен в спину, пуля раздробила ему предплечье). Сёстры вышли на позицию одной из рот, но живых в окопах не обнаружили. О том, что полк разбит и практически уничтожен, они и поспешили доложить Командующему.

никин принял потом Армию. Но не стоит забывать, что разговор происходил с глазу на глаз, соответствующего приказа или даже записки Корнилов после себя не оставил. Вряд ли он даже и думал о преемнике, тем более с кем-либо, например, с Алексеевым, на эту тему говорил...

К вечеру к ферме привёл Партизанский полк Казанович. Следуя в штаб для доклада, генерал встретил Командующего, возвращавшегося с обхода артиллерийских позиций. Корнилов поздоровался с «партизанами» и пригласил их командира на ужин, на котором присутствовал также и Романовский. Вскоре начальник штаба вышел по делам, а Казановича Командующий отпустил не сразу. Корнилов вдруг разговорился, что было для него весьма нехарактерным. Вспомнил их первую встречу и службу в Туркестане. «Несколько раз он вспоминал и жалел Неженцева, – пишет Казанович, – который, несмотря на разницу лет и положения, был его близким другом. Я почувствовал глубокую жалость к герою – я понял, до чего он одинок на свете...»

Когда разговор уже подходил к концу, Корнилов, будто советуясь, вдруг сказал:

– Я думаю... повторить атаку всеми силами. Ваш полк будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы на это скажете?

Даже если Казанович и хотел возразить, он этого делать не стал. Напротив, выразил уверенность в том, что атаковать необходимо, и если атаку возглавит лично Командующий, она имеет все шансы на успех⁴³⁷.

⁴³⁷ От этой принципиальной позиции Казанович не отказался и впоследствии. Вот что писал он в конце марта 1919 года: «Существует мнение, что, останься жив Корнилов, он погубил бы армию новой атакой. Даже, если бы Екатеринодар был взят, говорят сторонники этого мнения, мы в нём были бы окружены, и он стал бы могилой Добровольческой армии.

Конечно, трудно гадать о том, что было бы, но думаю, что высказывающие такое мнение не учитывают значения победы. Не надо забывать, что Добровольческая армия, не зная до тех пор неудач, со взятием Екатеринодара окончательно упрочила бы за собой славу непобедимой. Кубанцы поднялись бы и быстро пополнили бы ряды армии. В случае удачи, мы выиграли бы несколько месяцев, а это по нынешним временам целая вечность

Я этим не хочу сказать, что и после смерти Корнилова следовало атаковать. Смерть его произвела на войска удручающее впечатление...»

– Конечно, мы все можем при этом погибнуть, – будто самого себя убеждал Корнилов, – но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели. Без снарядов и патронов это будет медленная агония...

И предложил вдруг:

– Оставайтесь у меня ночевать. Вам сюда принесут сена...

Смущённый Казанович не посмел стеснять Командующего в его крохотной комнатёнке. Он доложил, что уже устроен доктором в перевязочном пункте и был отпущен.

Тем временем на участке 1-й бригады произошло событие, наглядно продемонстрировавшее утрату добровольцами инициативы. Прибывший с совета Марков говорил Тимановскому и офицерам из своего окружения:

– Наденьте чистое бельё, *у кого есть*. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмём, *а если и возьмём*, то погибнем...

Впрочем, в подразделения был направлен приказ – готовиться к новой атаке и в обязательном порядке нашить на головные уборы белые ленты. Надежда была одна: сблизиться и ударить в штыки. Лишь в этом случае, подавляющее численное превосходство красногвардейцев хоть в какой-то степени уравновешивалось выучкой и решимостью штурмующих...

Наступила ночь. Перестрелка начинала затихать. Тут же случайные фуражиры отправлены были из рот в предместье за провиантом. Наблюдение же за противником лишь усилилось. Наиболее опасными считались южный и восточный фасы казарм. Северный же имел перед собой территорию открытого пространства, которое насквозь простреливалось 4-й ротой.

Атаку красногвардейцев всё же, если и ожидали вообще, то со стороны города. Однако неожиданно она была произведена на южном фесе. Накопившись, густые солдатские цепи вышли из огородов и сразу же оказались у казарм. Они были своевременно обнаружены. Завязалась ожесточённая перестрелка. Всё же красногвардейцам удалось ворваться на территорию казарм и захватить несколько зданий. 1-я, 2-я и 5-я роты отошли через улицу и засели в домах напротив.

Большевики не в состоянии были продвинуться далее, так

как выйти из зданий теперь означало верную смерть. Но и добровольцы по той же причине не могли *немедленно* восстановить положение. Марков уже принимал меры. Стоявшая на правом фланге 3-я рота, которую противник не атаковал, была сменена 6-й, выдвинутой из резерва, и скорым шагом пошла левее, к казармам.

Наконец последовал сигнал к атаке. Офицерские цепи поднялись, и тут же, прижатые огнём залегли. В темноте противники стреляли друг в друга практически в упор. На вспышки выстрелов с той и другой стороны тут же летели гранаты. Большевики подтянули в огороды и артиллерию. И орудия посылали теперь в сторону добровольцев снаряд за снарядом. Добровольческие батареи не отвечали. То, что оставалось ещё в арсенале, предназначалось для штурма города и не могло быть израсходовано ранее. Атака захлебнулась...

К утру красногвардейцы закрепились в занятых домах и этим ограничились. Потери их были огромны⁴³⁸. Но и Офицерский полк не досчитался многих. Сильнее других пострадала 2-я рота, на которую пришёлся главный удар. Ожесточение достигло предела. На улице, в «зоне смерти» лежали десятки убитых и раненых, но подобрать их было невозможно. Перестрелка не прекращалась.

Установившееся равновесие было весьма шатким, и такое положение не могло сохраняться продолжительное время. К тому же до тех пор, пока большевики занимали часть казарм, о движении в сторону города не могло быть и речи⁴³⁹. Именно

⁴³⁸ В боях за Екатеринодар было убито до 5 тысяч и ранено до 10 тысяч красногвардейцев. Потери, конечно, определены весьма приблизительно. Но вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «Ейский и Должанский батальоны в боях за Екатеринодар потеряли больше половины личного состава... Не меньшие потери были и в других отрядах защитников города. Особенно много гибло молодёжи, подростков, людей, не имевших воинской подготовки. Немало в этих боях погибло большевиков Екатеринодара и депутатов съезда...»

⁴³⁹ Прорвись большевики со стороны города, это могло бы сыграть даже на руку добровольцам. Не пришлось бы атаковать дважды. Достаточно было выбить красногвардейцев из домов, отбросить в степь, и на их плечах и под их прикрытием вполне можно было бы ворваться в городские кварталы.

Удивляет всё же робость советского командования. Организуй оно столь же сильную атаку на участке 2-й бригады, отражать её было бы просто некому.

этим был озабочен Марков. Готовивший новую атаку, он в 8 утра был вызван к телефону. Едва отойдя после короткого разговора от аппарата, генерал крикнул: «Коня!» Марков казался спокойным, но лицо выдавало крайнюю озабоченность. Сказав лишь несколько слов Тимановскому, он передал ему командование, а сам ускакал в штаб Армии...

Ранним утром 31 марта (13 апреля) Командующий выходил ненадолго из комнаты и встретил в коридоре Казановича. На вопрос, какие будут приказания, ответил: «Пока никаких – отдыхайте».

Сразу несколько человек вновь предлагали Корнилову перенести штаб в более безопасное место⁴⁴⁰.

– Теперь уже не стоит, завтра штурм... – был ответ.

Позже, около 7 часов, на ферму прибыл вернувшийся с объезда позиций командир 2-й бригады. Командующий сидел за столом спиной к занавешенному циновкой окну. Перед ним расстелена была карта и стоял стакан с чаем. Корнилов был задумчив и мрачен. С его разрешения Богаевский присел рядом и доложил ситуацию. За ночь она не улучшилась. Корнилов молча выслушал, задал несколько вопросов и более не задерживал генерала. Склонившись над картой, обронил, ни к кому не обращаясь: «А всё-таки атаковать Екатеринодар необходимо. Другого выхода нет...» Продолжал ли он сам в это верить, никто никогда не узнает...

В соседней комнате персонал перевязочного пункта угощал Казановича чаем. Дом вдруг вздрогнул, будто от близкого громового раската. С потолка и стен посыпалась штукатурка. От окна отшатнулась сестра. Но дыма на улице не было. Генералу

⁴⁴⁰ «Год спустя после смерти Корнилова и нашего «сидения» тут, – пишет Богаевский, – я как-то поехал на ферму помолиться за душу героя на месте его смерти. По пути я нарочно остановился там, где были тогда красные батареи, и был поражён безумием нашего расположения в то время на ферме. Дом со своими белыми стенами, да и вся ферма была превосходной мишенью на отличной дистанции, и нужно только удивляться счастью, или плохой стрельбе красных, что дом не был разбит артиллерийским огнём в первый же день».

Думается, в самом начале штурма Корнилов, уверенный в скором взятии города, и не рассчитывал задерживаться на ферме продолжительное время, рассматривая её, как промежуточный пункт. После смерти Неженцева многое, в том числе и личная безопасность, отошли для него на второй план.

нетрудно было догадаться, что артиллерийский снаряд разорвался внутри здания. В комнате Командующего. Казанович бросился туда и вбежал в помещение одновременно с адъютантом Долинским⁴⁴¹.

Дверь, распахнутая взрывом, едва висела на петлях. Ничего не было поначалу видно из-за порохового дыма и известковой пыли. Пол был завален кусками штукатурки и обломками раздробленной, опрокинутой мебели. Под ними лежал на полу Корнилов и едва слышно стонал. Снаряд пробил наружную стену чуть выше пола и разорвался в комнате. Осколки не задели Командующего, но взрывная волна подбросила его и ударила с размаху о печку. От ранки у виска стекала струйка крови. В крови были и разорванные генеральские шаровары.

Комната заполнилась людьми. Принесли носилки, на которых вынесли Корнилова на воздух. Он ещё дышал, но с каждым разом всё слабее. Артиллерийский обстрел между тем не прекращался, и снаряды продолжали рваться в непосредственной близости. Командующего пытались укрыть в сарайчике, но он не мог служить надёжной защитой. Богаевский распорядился перенести носилки к защищённой крутым берегом террасе.

Сам он услышал вдруг, как кто-то из штабных в панике кричал в телефонную трубку: «Всё пропало. Корнилов убит!» Сообщить об этом он, судя по всему, успел не только Маркову⁴⁴². Богаевский вырвал трубку из рук офицера и вытолкнул его из комнаты. Задержавшись у фермы, он переговорил коротко с Казановичем и приказал генералу немедленно поднять Партизанский полк и вести его на левый фланг 2-й бригады, где даже слабый нажим противника неизбежно привёл бы к немедленной катастрофе.

– Пока в бой не ввязываетесь, – говорил Богаевский. – Вы наш последний резерв. Но в случае обхода с этой стороны, будьте готовы отразить его.

⁴⁴¹ В момент взрыва Долинский находился в дверях. Адъютанта отбросило в коридор и ударило о стену.

⁴⁴² Смерть Корнилова пытались скрыть, но очень скоро в линии об этом узнали. Весть эта произвела на добровольцев удручающее впечатление. Многие открыто говорили, что Екатеринодар теперь не взять, борьба проиграна, и надо спасаться самим.

Когда он подошёл к носилкам, возле них стояли Романовский, доктор, сестра милосердия и несколько штабных офицеров. Доктор, склонившись в изголовье, приподнял веки Корнилова и прошептал: «Кончается...»

«Ещё один вздох и Корнилова не стало, – пишет Богаевский. – Кто-то сложил ему руки на груди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман пальто и нашёл там маленький крестик, машинально сделанный мною из восковой свечи во время последнего Военного Совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки...»

Тело Корнилова положили на повозку рядом с телом подполковника Неженцева. Сопровождаемая текинским конвоем она направилась в Елизаветинскую. На полпути траурный кортеж встретил Алексеев, срочно вызванный в штаб из станицы. Старый генерал сошёл с коляски, поклонился до земли, поцеловал Корнилова в лоб и долго стоял рядом, глядя в спокойное уже, лишённое мимики лицо...⁴⁴³

В Елизаветинской тела покойных омыли и положили в сосновые гробы, убранные первыми цветами. Тайно, в присутствии лишь нескольких человек, заметно смущённый станичный священник отслужил панихиду по убиенному воину Лавре...

И из уст в уста, из подразделения в подразделение с горечью и отчаянием передавали друг другу лишь одно: Корнилова не стало...

Нет смысла напоминать о свершениях Корнилова. Война, не случайно названная Великой, Выступление, Быхов, Ростов, Поход – всё это и есть концентрированное до предела выражение его воли, чаяний и борьбы. Разные люди к Корнилову, к памяти о нём относятся и будут относиться *по-разному*. И это в порядке вещей.

Но одно не признать невозможно. Корнилов был человеком цельным. Настолько глубоко прятал противоречия своей натуры, что самые прозорливые современники о них лишь догадывались. Отбрасывая всё малозначимое, определял главную цель. Видел и создавал средства её достижения. Не признавал

⁴⁴³ «Последнее прощание двух вождей, – пишет Деникин, – которых связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада и соединит через полгода смерть...»

*Домик управляющего
сельскохозяйственной фермы*

сомнительных компромиссов и обходных путей. И не отступался. Шёл напролом прямою дорогой до самого конца...

Существование и деятельность Корнилова как личности ничем не обусловлено и не предопределено. Это тот субъективный фактор, который вопреки всему может повлиять

на ход событий и даже вмешаться в ход событий на переломе истории. Трудно предположить, что кто-то, кроме него, мог объединить вокруг себя те незначительные, но дееспособные силы, которые с первых же дней столь громко о себе заявили....

Останься он жив, возможно, всё дальнейшее происходило бы в чём-то по-другому. Как, можно лишь предполагать, а знать наверняка, никому не дано. Но не подлежит сомнению другое.

Не будь Корнилова, не было бы ни Дроздовского, ни Похода, ни самой Добровольческой армии. Не было бы и «Анабазиса» добровольческого движения, который Командующий, сам того не ведая, возводил день за днём и кирпичик за кирпичиком до самой своей смерти...

6.12.7. Отступление. Атака бригады Эрдели

Армейский механизм основан в том числе и на взаимозаменяемости всех звеньев, сверху донизу и по горизонтали. Гибель командира может привести к временной потере управления, боеспособности и утрате боевого духа. Но части и подразделения в одночасье не умирают. Это живые организмы, нацеленные на восстановление.

Едва повозка с телами Корнилова и Неженцева скрылась из глаз, к Деникину подошёл Романовский и спросил буднично и просто:

– Вы примете Армию?

– Да, – коротко ответил генерал.

Тут же была составлена записка Алексееву с предложением